

О.Д. ГОЛУБЕВА

**«ГОСПОДИН ПУФ, ДОКТОР ЭНЦИКЛОПЕДИИ И ДРУГИХ
НАУК О КУХАННОМ ИСКУССТВЕ»**

«Одоевский Владимир Фёдорович, князь (1804—1869). Писатель, критик, композитор. Познакомился с Пушкиным в Петербурге в 1827-1828 годах. Участвовал в издании “Современника” как автор и ближайший помощник Пушкина по редакционной работе. Поэт высоко ценил сотрудничество Одоевского; в апреле 1836 года он писал ему: «Думаю 2 № начать статью вашей, дельной, умной и сильной — и которую хочется мне наименовать “О вражде к просвещению”». Одоевский — автор некролога “Солнце русской поэзии закатилось...” в “Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду” (1837, № 5, с. 48) и ряда статей, посвящённых памяти Пушкина; участвовал в подготовке к изданию посмертного собрания сочинений поэта. Ему принадлежит несколько романсов на стихи Пушкина».*

А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины 19 века. Л., 1987. (Аннотация к портрету В.Ф. Одоевского работы художника А. Покровского).

Князь Владимир Фёдорович Одоевский любил подписывать свои литературные произведения и статьи различными псевдонимами. Их у него было около шестидесяти. Некоторые из них были шуточными. Вероятно, они применялись для того, чтобы и позабавить читателя, и вызвать у него определённые ассоциации. К примеру: под мистико-фантастическими произведениями Одоевского стояла подпись «Магистр философии и член разных учёных обществ Ириной Модестович Гомозейко», под детскими сказками — «Дедушка Ириной», под музыковедческими статьями — «Отставной капельмейстер Карл Биттерманн» и т. д.

Более двух лет (1844-1845) князь пользовался псевдонимом «Господин Пуф, доктор энциклопедии и других наук о куханном искусстве», подписывая им статьи-лекции по кулинарии в приложениях к “Литературной газете” — “Записках для хозяев”, в специальном разделе “Кухня”. В этих лекциях были не только конкретные рецепты по приготовлению различных блюд, но и всякого рода рассуждения. Надо отметить, что рекомендуемые блюда всегда соответствовали сезону года, с указанием не только определённых продуктов, но и их весовых пропорций, а иногда даже и стоимости.

По словам доктора Пуфа, то бишь Одоевского, его рецепты предназначались для людей экономных, не имеющих поваров, людей среднего достатка, т. е. с тогдашним годовым доходом от 2 до

* Пушкин А.С., 1974-78. Т. X. С. 444-445.

6 тысяч рублей. Эта сторона житейских пристрастий Одоевского представляет несомненный интерес.

В ста его лекциях приведены различные способы варения, жарения, приготовления разнообразных соусов, рассказаны способы хранения продуктов, консервации на зиму. Не забыты диетические блюда для больных, выздоравливающих и желающих похудеть.

Познания в кулинарии доктора Пуфа были отменные. Так, во время масленицы он рекомендовал для приготовления более 10 видов различных блинов: гречневые, красные, с яйцами, с творогом, с мозгами, со сметками, с зелёным сыром, с ветчиной, с селёдкой, блины-суфле, сладкие блины, постные блины...

Из лекций мы узнаём об оригинальном имени доктора Пуфа – Маланья Кирикиевич – и о его внешности. У него были пухлые розовые щёки, маленький вздёрнутый нос и выдающаяся вперёд нижняя губа, т. е. во внешности было «что-то сократовское». Доктор Пуф был тучного телосложения, с брюшком — явно, человеком, любившим хорошо покушать и всё своё время тратившим на гастрономические опыты. Последним он напоминал своего создателя — щедедушного и элегантного Владимира Фёдоровича Одоевского.

Для Одоевского подготовка рецептов вкусной и здоровой пищи не была случайным занятием. Говоря современным языком, это было его “хобби”. Современники отмечали пристрастие князя к сложностям кулинарного искусства: у него в доме ничего не подавалось в натуральном виде. Даже приготовление печёных яблок было не простым. Прежде всего яблоки выставлялись на мороз, потом отправлялись в пылающую печь, затем опять на мороз, а к столу подавались вторично вынутыми из печки. Говядина прощипывалась всегда какими-то специями, подливки и соусы ароматизировались едкими эссенциями, от которых дух захватывало!

Кулинарным искусством Одоевский увлекался по-настоящему. В ноябре 1842 г., после поездки в Германию и Италию, на званом обеде у И.И. Панаева¹ Одоевский с жаром рассказывал, что за границей не умеют готовить ростбиф. На своих же званых обедах он поражал гостей фантастичностью блюд. У него жирная откормленная курица-пулярка начинялась бузиной и ромашкой, соусы перегонялись в химической реторте и составлялись из немыслимых смешений, всё варилось, жарилось, солилось и мариновалось учёным образом. Рассказывали, что однажды князь пригласил друзей на ужин со специально приготовленными сосисками. Но сосиски не удалась. Разжевав их, гости вдруг замерли с полуоткрытыми ртами и не знали, что делать. Всем захотелось их выплюнуть.

Вероятно, имея в виду не всегда удачные свои кулинарные опыты, Одоевский, в образе доктора Пуфа, при приготовлении «апте-

А. Покровский. Портрет В.Ф. Одоевского. 1844. Собрание ВМП

карской» утки, начинённой сухим шалфеем, советовал не говорить своим гостям о составе блюда прежде, чем они его попробуют, «ибо, — как предупреждал доктор Пуф, — против шалфея существуют куханные интриги».

У князя был обычай приглашать своих друзей на встречу Нового года. И на этих ужинах он также потчевал необыкновенными кушаньями, готовил глинтвейн по рецепту, найденному в гастрономических книгах средневековья.

Для своих сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке, в которой он проработал более 15 лет помощником директора, Одоевский устраивал “библиографические обеды”, где меню составлялось в виде систематического каталога.

Своё увлечение Одоевский сумел сделать полезным для многих, обнародывая свои рецепты в газете. В них проявлялся характер автора, его нравственные качества, глубокое знание людей.

Несколько особенностей отличают рецепты доктора Пуфа от бытовавших в то время поварских книг. Главное — их социальный настрой.

Рассуждая о постных блюдах во время поста, доктор Пуф замечал, что легко и просто сделать постный обед, имея полдюжины свежих стерлядей, дюжину свежих налимов, несколько бутылок трюфелей. Но на такой обед “прилежный чиновник” будет вынужден потратить всё своё месячное жалование. Вместо этого доктор Пуф рекомендует своё блюдо под названием “Пуф-кильки”. На его приготовление потребуется всего лишь три столовые ложки прованского масла, 10 луковиц, 4 картофелины, 5 сырых кислых яблок и 20 нарубленных солёных килек.

Осведомлённый не понаслышке о жизни социальных низов Одоевский под видом магистра Кнуфа упрекает доктора Пуфа в том, что он не занимается бедняками. «Если вы взяли на себя попечение о желудках ваших соотечественников, то оставьте на время трюфели и устрицы, их весьма многие умеют есть и без ваших остроумных наставлений. Кажите-ка, как накормить того, кому нечего есть, что уделит ваша наука на долю бедняка, который имеет для своей пищи мякину... Вы... доказали, что самое лучшее для аппетита средство... чистый воздух... Научите, как людям жить в одной избе со скотом... Вместо десятков, к которым относятся... все ваши наставления, составьте кухнологические лекции для миллионов. Игра стоит свечей».

Но, увы, вот этого-то доктор Пуф и не смог сделать! Но тем не менее он смог в этих лекциях поднять многие проблемы, по сути своей далёкие от кухонного искусства, но весьма важные для того времени.

Кулинарные лекции доктора Пуфа — это особый вид литературного жанра, где подлинные кулинарные рецепты, многие из которых — итог собственного опыта Одоевского, — перемешаны с юмористическими и сатирическими зарисовками из современной жизни общества.

Он высмеивает людей, «которым судьба дала шутовское предназначение сообразно с обстоятельствами вытягиваться, гнуться сгибами и пружиниться»; под его обстрел попадают и взяточники, у ко-

торых просители становятся мешками, из которых сыплются огурцы, куры, говядина, вино и «другое прочее» «и хорошо и дёшево».

В новогодних пожеланиях он просит всех все вещи называть своими именами. Он убеждён, что «на кухне и в мире» много бед совершается от того, что «жареный топор» называют бифштексом, засушенную корку — бисквитом, взяточника — деловым человеком, льстеца и наушника — благонамеренным, притворщика и лицемера — нравственным человеком.

С помощью кулинарной теории автору удаётся создать пародию на научный труд с использованием эпиграфа на многих языках мира, с обозначением частей, глав, отделов, подразделений и т. п. Он обещал написать целые трактаты о самых обычных кухонных принадлежностях — горшках, ложках, столах, стульях, называя их сугубо по-научному: горшкологией, кастрюлизмом, ложкологией и проч.

В иных лекциях вымышленный доктор Пуф как бы отодвигается на задний план и очень прозрачно вырисовывается истинный их автор — Владимир Фёдорович Одоевский.

С лёгкой иронической грустью блинные рецепты связываются с воспоминаниями о первом юношеском увлечении князя кузиной Натальи Щербатовой. В лекциях затрагиваются имена англичан — философа И. Бентама² и экономиста Т. Мальтуса³, против теорий которых Одоевский выступал в своих произведениях. В повести «Город без названия» Одоевский показал, как всеобщее стремление только к собственной выгоде, наживе, проповедуемое Бентамом, разрушает государство, рвёт семейные и дружеские связи, способствует растлению людей. В рассказе «Последнее самоубийство» писатель отверг идею Мальтуса о гибели человечества от перенаселения.

Одоевский обличал непрофессионализм переводчиков, критиков, недобросовестных литераторов. Произведения последних он называл «кулинарным соусом» и раскрывал «рецептуру» его приготовления. Приведём этот рецепт. «Возьмите: полфунта выдранных из забытой книги печатных страниц. Листа два новых печатных же, где случится, с спроса, а лучше без спроса. Прибавьте: 24 ошибки против русского языка, столько же против здравого смысла, столько же иностранных невопад переведённых слов; полсотни опечаток. Перемешайте хорошенько, разделите на рубрики, посыпьте сверху несколько более или менее известных имён, пропустите в типографских чернилах на тряпичной бумаге, и у вас выйдет настоящий *кулинарный соус*».

Напомним, что в эти годы Одоевского среди других волновали две проблемы: полемика со славянофилами и особенно защита великого Пушкина от журнальных нападок. За неимением другой трибуны Одоевский использовал лекции доктора Пуфа.

Портрет В.Ф. Одоевского. Воспроизводится по изданию: *Дворянские роды Российской империи* (Т. I. СПб., 1993)

Острая журналистская шпага Одоевского была направлена против бывших единомышленников, московских друзей — славянофилов А.С. Хомякова, А.И. Кошелева, С.П. Шевырёва, Н.Ф. Павлова, братьев И.В. и П.В. Киреевских⁴. Они выступали за самобытность пути России, идеализировали старую допетровскую Русь, верили в гибель западной культуры. Отношение Одоевского к славянофилам было противоречивым. В своём главном произведении, романе «Русские ночи», писатель высказывал некоторые славянофильские

идеи: о мессианстве русского народа, о гибели запада. Но в отличие от славянофилов он не хотел возврата к древней Руси, всегда был защитником просвещения. Уровень народного благосостояния он всегда ставил в прямую зависимость от степени развития просвещения в России. В своих письмах он пытался переубедить московских друзей, объяснить им их заблуждения. Но тщетно. Одоевский иронизирует над преклонением славянофилов перед «допотопной стариной», над огульным восхвалением всего в русском человеке, даже лени и невежества.

В одной из лекций доктора Пуфа – “Теория вывесок в кухонном отношении” – едко высмеиваются возражения славянофилов против народного образования. К чему приводит малограмотность народа, автор ярко проиллюстрировал чудовищно безграмотными вывесками, часто трудно поддающимися пониманию. Например, вывеска: «ров отворяют = [знак равенства] здесь бреют икъ» означала парикмахерскую. И автор сожалеет: «Зачем вас нет со мною, мои любезные славянофилы? Вы бы полюбовались этой невиданностью орфографии? — что перед нею какой-нибудь бритый ИКЪ, заражённый грамотой, а и то пуще грамматикой! Я бы повёл вас к другим вывескам за заставу, где эта невинность ещё невиннее, надпись гласит просто: «В хот всъестной» или «врастирацию». «Не знаю, как вы об этом думаете, господа, а мне так грустно!» — заключает свою лекцию автор.

В другой лекции он высмеивает физиономию славянофила – «в господине величественной наружности». «Такие господа, — пишет автор, — кушают трюфели и нападают на роскошь; бритвой снимают лишний десяток лет с лица... а жалеют о бородах; словом, не могут без просвещения, а бранят просвещение». И в заключение доктор Пуф спрашивает читателя: «Какой род надувания вы предпочитаете: немецкий, французский, английский или славянофильский?»

Одоевский сумел использовать лекции Пуфа и в защите А.С. Пушкина. Когда в 1836 г. Пушкин начал издавать журнал “Современник”, «триумвират продажных витязей пера» – Ф.В. Булгарин⁵, Н.И. Греч⁶ (“Северная пчела” и “Сын отечества”) и О.И. Сенковский⁷ (“Библиотека для чтения”) – стал твердить о «падении» таланта поэта. Пушкин уже не поэт, а журналист. По их словам, «князь мысли» стал «рабом толпы», променял свои «мечты и вдохновения» на журнальную полемику. В ответ Одоевский пишет статью “О падениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина”. В ней Одоевский показал, на какой высоте стоит Пушкин — «радость России, наша народная слава, стихи которого знает наизусть и поёт вся Россия; которого всякое произведение есть важное событие в нашей литературе, которого читает ребёнок на коленях матери и

учёный в кабинете». Пушкин — гениальная русская личность, которая не останавливается в своём развитии: «Он, как Гёте и Шиллер, умеет читать, трудиться и думать; он — поэт в стихах и бенедиктинец в своём кабинете»⁸.

К сожалению, при жизни Пушкина статью не удалось напечатать. Как объяснил позже Одоевский, «не соглашались на то ни издатели, ни цензоры: кто по дружбе и расчётам, кто по страху, такова была сила “Северной пчелы” и ужас, ею наведённый; она считалась каким-то привилегированным изданием, и даже говорили тогда, что эта привилегия посредством каких-то подземных ходов была действительно закреплена канцелярским порядком»⁹. Булгарин, Греч, Сенковский держали всю журналистику тогда в своих руках. Опубликовать статью Одоевский смог только через 28 лет после её написания — в 1864 г. в журнале “Русский архив”. Но зато в одной из лекций Пуфа с едкой иронией сумел написать: «Наш великий критик Селифонтов давно доказал, что Пушкин совсем не поэт, а если и поэт, то никуда не годится».

Следует отметить, что написанные лёгким разговорным языком, с широким использованием пословиц и поговорок, многие из которых были придуманы автором — Одоевским, лекции доктора Пуфа имели успех у читателей. В лекциях упоминалось, что доктор Пуф переписывался со своими «потребителями», и они отвечали ему даже стихами, по всей видимости сочинёнными самим Одоевским.

*Ты Пуф, но ты не пуф нахальный —
Досужий плод журнальных врак;
Ты человек — и достохвальный,
А не какой-нибудь дурак,
Кормилец сорока губерний,
Ты и умён и терпелив,
Твоим врагам — венец из терний,
Тебе — из лавров и олив.
Трудись, трудись, не уставая!
Будь вечно счастлив, здоров и свеж,
И есть Россию научая,
Сам на земле не даром ешь!*

К концу 1845 г. доктор Пуф исчез со страниц газеты. Вместо него появился ученик — адъютант Скарамушев, горестно объяснивший молчание своего учителя: «Доктора Пуфа нет, он исчезает, как только дорожают съестные припасы. <...> По полученным сведениям, доктор Пуф окончательно распрощался с кухнологией. Не проливайте слёзы над сим живым покойником».

В декабре 1845 г. публикация лекций в “Записках для хозяев” прекратилась. В начале 1846 г. две последние лекции доктора Пуфа были напечатаны в “Отечественных записках”. И на этом с “кулинарными” лекциями было покончено, о чём сожалел редактор “Отечественных записок” А. А. Краевский. Но вынужден был признаться в письме к Одоевскому в сентябре 1846 г.: «Бог с ним: его не воскресишь»¹⁰. В 1846 г. Одоевского ждали более важные дела. В мае его избрали председателем “Общества посещения бедных просителей”, а в июле он был утверждён помощником директора Императорской Публичной библиотеки и заведующим Румянцевским музеем. Общественное служение поглотило его целиком.

Доктор Пуф — это одна из многих ипостасей князя и далеко не главная. Но всё же она добавляет свои штрихи к портрету этого феноменального человека. Писатель, журналист, редактор, философ, популяризатор, музыкант, композитор, изобретатель, историк науки, общественный и государственный деятель и, наконец, библиотечарь — всё это позволило известному в своё время советскому литературоведу О.В. Цехновицеру сказать, может быть, с некоторым преувеличением, что Владимир Фёдорович Одоевский — «небывалое явление в истории человеческой культуры»¹¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОТЕКАРЬ-РЮРИКОВИЧ: КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ

Известный писатель, философ, музыкант, композитор, общественный деятель князь *Владимир Фёдорович Одоевский* (1804—1869) прослужил в Публичной библиотеке свыше 15 лет (1846—1861) помощником директора при Д.П. Бутурлине и М. А. Корфе.

Он принадлежал к одному из самых аристократических и богатых русских родов, происходившему от князя *Михаила Всеволодовича* (потомка князя Рюрика в XI колене), великого князя Черниговского и князя Киевского, убитого в Орде в 1246 г. и причисленного Русской православной церковью к лику святых. Один из его потомков — князь *Юрий Романович Новосильский* (XVI колена от Рюрика, жил в конце XIV – первой четверти XV в.) по полученному им от отца в удел городу Одоеву стал именоваться князем *Одоевским*, и эта фамилия закрепилась за его потомками.

Хотя этот род был сравнительно немногочисленным, но на протяжении XVI—XVII вв. двенадцать его членов входили в Боярскую думу. При царе Алексее Михайловиче (1629—1676) три поколения

Герб рода князей Одоевских

Одоевских – князь *Никита Иванович* (колени XXII), его сыновья и внуки – в одно и то же время заседали в Боярской думе. Редчайший случай в истории России! Князь *Никита Иванович* († 1689) был видным деятелем XVII в. Он управлял Казанским, Сибирским, Большой казны, Аптекарским приказами, был председателем Комиссии по составлению знаменитого Уложения царя *Алексея Михайловича*, которое оформило крепостное право.

Следует отметить, что пятеро бояр были прямыми предками князя *Владимира Фёдоровича*. Среди них его пращур князь *Юрий Михайлович*, который умер в 1682 г. К тому же, по пресечении самых старших ветвей рюриковичей — родов князей *Белевских* (в XVI в.) и князей *Воротынских* (в XVII в.), князья *Одоевские* оказались генеалогически самыми старшими среди всего потомства *Рюрика*. Поэтому не случайно в своём шутовском стихотворении *С.А. Соболевский* обращается к *Владимиру Фёдоровичу Одоевскому* со словами

*Князь — твоё отродье, Рюрик,
Через двадцать пять колён;
Князь — не то, что князь-мазурик
Из армян или туркмен;
Князь — не то, чтобы князь некий —
Русских старшина князей¹².*

Правда, *Соболевский* допустил одну неточность: князь *Одоевский* принадлежал XXIX колени от *Рюрика*, а не XXV.

Прапрадед его князь *Василий Юрьевич* (род. 1673), женатый на княжне *Марии Александровне Лыковой*, при *Петре I* служил в лейб-гвардии *Семёновском полку* и при *Екатерине I* был действительным статским советником, заведовал *Оружейной палатой*, *Казённым приказом* и *Конюшенной казной*.

Прадед князь *Иван Васильевич* (1710—1758), женатый на графине *Прасковье Ивановне Толстой* (дочери первого графа *Толстого* —

Ивана Петровича), был президентом Вотчинной коллегии (1741—1761), действительным тайным советником и сенатором.

У Ивана Васильевича и Прасковьи Ивановны Одоевских было девять детей: старший, князь *Николай Иванович* († 1798), женатый на грузинской царевне Елизавете Александровне (дочери царевича Бакара), закончил службу в армии в чине полковника, который получил за содействие при восшествии на престол Екатерины II; князь *Александр Иванович* (1738—1797), женатый на Марии Фёдоровне Вадковской, служил советником Ассигнационного банка, был сенатором и пожалован в тайные советники; князь *Иван Иванович* (1742—1806) (жена Анастасия Ивановна Измайлова), тоже содействовавший восшествию на престол императрицы Екатерины II, дослужился до чина генерал-поручика. Княжна *Варвара Ивановна* была замужем за князем Дмитрием Юрьевичем Трубецким, княжна *Наталия Ивановна* — за графом Александром Фёдоровичем Апраксиным, княжна *Анна Ивановна* — за генерал-фельдмаршалом графом Петром Ивановичем Шуваловым...

Дед князя Владимира Фёдоровича, князь *Сергей Иванович* (1743—1811), служивший в лейб-гвардии Семёновском полку и вышедший в отставку в чине полковника армии, был женат на княжне Елизавете Александровне Львовой (1743—1800) — представительнице знатного рода, тоже относящегося к потомкам Рюрика. У Сергея Ивановича и Елизаветы Александровны Одоевских было шестеро детей.

Дядя князя В.Ф. Одоевского, князь *Иван Сергеевич* (1769—1839), посвятил свою жизнь службе в армии. В 1790 г. он участвовал в войне против Турции, в 1792—1794 гг. в Польской кампании, получил золотое оружие за храбрость, в 1799 г. стал генерал-майором и возглавил драгунский своего имени полк, в 1805 г. был в походе в Галицию, в 1809 г. участвовал в войне против Швеции, во время Отечественной войны 1812 г. был шефом 2-го Казачьего полка Московского ополчения и участвовал в Бородинском сражении. Женат был первым браком на своей двоюродной сестре княжне *Прасковье Александровне Одоевской* (1770—1820) и от этого брака имел сына князя *Александра Ивановича* (1802—1839) — поэта и декабриста. От второго брака с Марией Степановной (её девичья фамилия нам не известна) родились сыновья князь *Сергей Иванович* и князь *Николай Иванович* (оба умерли в детстве) и дочери: княжна *София* (была замужем за гвардии ротмистром Николаем Масловым), княжна *Мария* (муж — Олонецкий губернатор, тайный советник Григорий Григорьевич Григорьев, внебрачный сын графа Григория Владимировича Орлова) и княжна *Нина* (в замужестве за Новиковым) — двоюродные сёстры князя Владимира Фёдоровича Одоевского.

Отец, князь *Фёдор Сергеевич* (1771—1808), служил в отборных лейб-гвардии Преображенском и Семёновском полках, в чине капитан-поручика перешёл на гражданскую службу и был директором Московского Ассигнационного банка, статским советником.

Дядя, князь *Пётр Сергеевич* (1775—1801), гвардии ротмистр, умер холостым и бездетным.

У князя Владимира Фёдоровича были три тётки. Княжна *Александра Сергеевна* (1767—1791) была замужем за Александром Фёдоровичем Грибоедовым — родным братом матери писателя А.С. Грибоедова (последний, таким образом, приходился князю В.Ф. Одоевскому свойственником); дочери от этого брака (двоюродные сёстры князя Владимира Фёдоровича) были в замужестве: Елизавета — за фельдмаршалом Иваном Фёдоровичем Паскевичем, князем Варшавским, графом Эриванским, а Софья — за Сергеем Александровичем Римским-Корсаковым. Княжна *Прасковья Сергеевна* (1773—1851) — за князем Александром Александровичем Щербатовым; княжна *Екатерина Сергеевна* (1787—1817) — за Гавриилом Ивановичем Дурново.

Таким образом, по родственным связям Одоевские были переплетены со многими княжескими и аристократическими родами: Шереметевыми, Трубецкими, Толстыми, Шуваловыми, Щербатовыми, Апраксинами, Львовыми, Долгоруковыми, Закревскими, Грибоедовыми и др.

Все эти сведения почерпнуты главным образом из трёх источников: “Российская Родословная книга”, “Потомство Рюрика” и “Дворянские роды Российской империи”¹³. К сожалению, в этих книгах умалчивается о родственниках по материнской линии и очень мало сказано о самой матери князя Владимира Фёдоровича — *Екатерине Алексеевне*. Многие советские исследователи считали, что она была красавицей, происходившей из крепостных крестьян. И только в 1991 г. Мариетта Андреевна Турьян в своей книге “Странная моя судьба”, посвящённой В.Ф. Одоевскому, пролила некоторый свет на этот вопрос¹⁴. Мать Одоевского, Екатерина Алексеевна, — дочь прапорщика *Алексея Филиппова* и *Авдотьи Петровны*, владевшей дюжиной дворовых и “нажитом” домом в Москве. Дядя *Александр Алексеевич* — губернский секретарь, отличался дурным поведением; другой дядя — *Алексей Алексеевич* — служил в Лубянском гусарском полку корнетом, воевал с турками, с Наполеоном, служил на Кавказе. То ли в 1818 г., то ли в 1819 г. мать, вторично выйдя замуж за оставного поручика *Павла Дмитриевича Сеченова*, человека грубого и необразованного, утратила княжеский титул.

Об этой “мизерной” родне Владимир Фёдорович почти никогда не вспоминал и о них мало что известно.

К началу XIX в. клан князей Одоевских заметно оскудел: ни высоких чинов, ни былого богатства. Но осталась слава рода Рюриковичей.

Князь *Владимир Фёдорович Одоевский* – 62-й представитель рода – трепетно относился к своей рюриковской ветви: хранил родословные грамоты, наводил справки для уточнения генеалогического древа. Тщательно выполнял княжеский этикет. Он был единственным писателем, который даже на литературные вечера приезжал с ливрейным лакеем.

Сам он женился на *Ольге Степановне Ланской* (1797—1872), дочери гофмаршала Степана Сергеевича Ланского и Марии Васильевны (урождённой Шатиловой), родной сестре действительного тайного советника, министра внутренних дел (с 1855), обер-камергера графа Сергея Степановича Ланского, в свою очередь женатого на княжне *Варваре Ивановне Одоевской*, дочери упомянутого выше князя *Ивана Ивановича*, двоюродной сестре отца князя Владимира Фёдоровича и двоюродной сестре генерала от кавалерии Петра Петровича Ланского, женившегося на вдове А.С. Пушкина, Наталии Николаевне (урождённой Гончаровой).

Брак Владимира Фёдоровича был бездетным, и по кончине князя — последнего князя Одоевского, оставшегося к этому времени, — этот древний и славный род пресёкся.

В связи с этим упомянутые выше двоюродные сёстры покойного князя — единокровные сёстры князя *Александра Ивановича Одоевского*, поэта и декабриста, вдова гвардии ротмистра *Софья Ивановна Маслова* и жена коллежского асессора *Нина Ивановна Новикова* (рождённые княжны Одоевские) обратились с прошением на Высочайшее имя с просьбой разрешить сыну первой из них — штаб-ротмистру лейб-гвардии Конного полка *Николаю Николаевичу Маслову* присоединить к его гербу и фамилии герб, титул и фамилию угасшего княжеского рода. В ответ на это прошение последовал Именной Высочайший указ от 30 июня 1878 г.: Н.Н. Маслову было дозволено именоваться впредь князем *Одоевским-Масловым* с тем, чтобы герб, титул и фамилия князей Одоевских переходила только к старшему в роде из его потомков.

Интересно, что сразу после этого, в 1879 г., со схожим прошением на Высочайшее имя обратился и Г.Г. Григорьев, женатый, как говорилось выше, на княжне *Марии Ивановне Одоевской* (умершей в 1866 г.) — родной сестре С.И. Масловой и Н.И. Новиковой. Ссылаясь на неоднократное выражение желания самого покойного князя В.Ф. Одоевского, он просил разрешить присоединить фамилию, герб и титул князя Одоевского к фамилии и гербу своего старшего сына Александра и именоваться последнему князем *Одоевским-*

Григорьевым. Однако это прошение было оставлено без удовлетворения.

Такова судьба некогда знаменитого рода князей Одоевских.

¹ *Панаев Иван Иванович* (1812—62) — писатель и журналист. С 1847 совместно с Н.А. Некрасовым издавал журнал “Современник”.

² *Бэнтам Иеремия* (1748—1832) — англ. философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма.

³ *Мальтус Томас Роберт* (1766—1834) — англ. экономист.

⁴ О славянофилах *Хомякове Алексее Степановиче* (1804—60), *Кошелеве Александре Ивановиче* (1806—83), *Шевырёве Степане Петровиче* (1806—64), *Павлове Николае Филипповиче* (1803—64), *Киреевском Иване Васильевиче* (1806—56) и *Киреевском Петре Васильевиче* (1808—56) см. примеч. в др. материалах наст. изд., а также в изд.: *Зеньковский В.В.*, 1991. Т. I. Ч. 1. С. 143—219; *Лосский Н.О.*, 1994. С. 19—48.

⁵ *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859) — журналист, писатель. Издавал газету “Северная пчела” (1825—1859, с 1831 совместно с Н.И. Гречем), журнал “Сын отечества” (1825—1839, совместно с Гречем) и др.

⁶ *Греч Николай Иванович* (1787—1867) — журналист, писатель, филолог. Издавал журнал “Сын отечества” (1812—1839, с 1825 совместно с Булгариным) и газету “Северная пчела” (1831—1859, совместно с ним же).

⁷ *Сенковский Осип (Юлиан) Иванович* (1800-58) — писатель, журналист, член-корреспондент Петербургской АН; один из зачинателей российского востоковедения.

⁸ *Одоевский В.Ф.* О литературе и искусстве. М., 1982. С. 52.

⁹ *Русский архив.* СПб., 1864. № 7. С. 824.

¹⁰ *Русская старина.* СПб., 1904. № 6. С. 584.

¹¹ *Цехновицер О.* Силуэт. // *Одоевский В.Ф.* Романтические повести. Л., 1929. С. 54.

¹² *Соболевский С.А.* Эпиграммы и экспромты. М., 1912. С. 78.

¹³ *Долг оруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 1; *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. I. Ч. 1; *Дворянские роды Российской империи.* Т. I. Князья. Авторы-составители П. Гребельский, С. Думин, А. Мирвис, А. Шумков, М. Катин-Ярцев. СПб., 1993.

¹⁴ *Турьян М.А.* Странная моя судьба: О жизни Владимира Фёдоровича Одоевского. М., 1991. С. 17-18.